

УДК 81-11

RUSSIAN NATIONAL MACRODISCOURSE: LINGUISTIC AND RHETORIC SPLIT IN THE SITUATION OF A REVOLUTIONARY CRISIS
РУССКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ МАКРОДИСКУРС: ЛИНГВОРИТОРИЧЕСКИЙ РАСКОЛ В СИТУАЦИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО КРИЗИСА

Vorozhbitova A.A. / Ворожбитова А.А.

*d.philol.s., d.p.s., prof. / д.филол.н., д.п.н., проф.**Sochi State University, Sochi, Plastunskaya Street 94, 354 000**Сочинский государственный университет, Сочи, ул. Пластунская, 94, 354 000*

Аннотация. В статье с позиций лингвориторической (ЛР) парадигмы иллюстрируется языковыми примерами специфика функционирования русского национального макродискурса в ситуации революционного кризиса на рубеже XIX – XX вв. Гиперавтокоммуникация совокупной языковой личности (ЯЛ) этносоциума происходит в условиях идейно-политического раскола, который вызывает не просто серию коммуникативных неудач, а системный сбой в форме «затромбирования» лингвориторико-герменевтического круга.

Ключевые слова: лингвориторическая (ЛР) парадигма, совокупная языковая личность (ЯЛ) этносоциума, дискурсивные процессы, революционный дискурс, гиперавтокоммуникация, лингвориторико-герменевтический круг.

Abstract. The article from the standpoint of the Linguistic and Rhetorical (L&R) Paradigm illustrates with linguistic examples the specifics of the functioning of the Russian national macro-discourse in a situation of a revolutionary crisis at the turn of the 19th – 20th centuries. Hyper-autocommunication of the aggregate linguistic personality of an ethnosocium occurs in the conditions of an ideological and political split, which causes not just a series of communicative failures, but a systemic failure in the form of “thrombosis” of a linguistic-hermeneutic circle.

Keywords: Linguistic and Rhetorical (L&R) Paradigm, cumulative linguistic personality (LP) of the ethnosocium, discursive processes, revolutionary discourse, hyper-autocommunication, linguistic and rhetorical hermeneutic circle.

Вступление.

Условие развития национального языка – гиперавтокоммуникация естественного характера. Специфика существования тоталитарного языка – его возникновения, развития, функционирования и умирания – искусственная, «напряженная» гиперавтокоммуникация, когда народ – совокупная языковая личность (ЯЛ) этносоциума – должен мыслить и говорить, как один человек, в унисон со «Старшим братом». Напряженная, и именно поэтому кризисная. Одна часть совокупной ЯЛ этносоциума противостоит другой и выискивает внутри себя врагов не по одному, так по другому критерию – классовому (буржуи, кулаки), национальному (еврей-космополиты), профессиональному («дело врачей») и др. Перманентный кризис коммуникации – типологическая черта тоталитарного языка.

Обсуждение.

Зарождение и вызревание *большевистского дискурса* исторически происходит в концептуальных текстах русского терроризма второй половины XIX в. «Государственный террор, унесший с 1917 г. миллионы жизней, имеет генетическую связь с террором дореволюционным – как лево- и правозэкстремистским, так и правительственным» [История терроризма 1996: 20]; соответственно, советский дискурс порождается самоорганизующейся по

риторическим законам мыслеречевой деятельностью сильных ЯЛ-концептоносителей, представляющих различные версии терроризма – народовольческую, эсеровскую, анархистскую, большевистскую и др. Прецедентные тексты идеологов русского терроризма демонстрируют, что столь органичное усвоение Марксовой доктрины большевиками произошло на подготовленной почве. В прокламации Петра Зайчневского «Молодая Россия» (1862 г.) «впервые в России **убийство** открыто признавалось **нормальным средством** достижения социальных и политических изменений» [История терроризма 1996: 5]. Для торжества «новой истины» необходимо сначала расчистить ментальное пространство, поэтому все наличествующие социальные устои объявляются ложными:

«В современном общественном строе, в котором **все ложно**, все нелепо – **от религии... до семьи, ... от узаконения торговли,... до признания за разумное положение работника, ... женщины...**».

В качестве точки отсчета для построения новой системы нравственных координат, «прогрессивной» ЛР картины мира предлагаются новые **дискурс-этимоны** – кванты истинной информации:

«**Выход... один – революция, революция кровавая и неумолимая, революция, которая должна изменить радикально все, все без исключения основы** современного общества и **погубить** сторонников нынешнего порядка».

Пророческий дар двадцатилетнего студента может показаться феноменальным, однако он демонстрирует объективность закона материализации ментального пространства, внедренного в массовое сознание вербальным путем: «Скоро, скоро наступит день, когда мы **распустим** великое знамя будущего, **знамя красное** и с громким криком «Да здравствует социальная и демократическая республика русская!» **двинемся на Зимний дворец истреблять** живущих там».

А если сограждане не примут новых ценностей, не усвоят навязываемых им альтернативных дискурс-этимонов? «Помни, что тогда, **кто** будет **не с нами, тот** будет **против**, а кто против, **тот наш враг**, а врагов **следует истреблять** всеми способами» [Там же: 29–31].

Можно говорить о глобальной локуции, иллокуции и перлокуции советского дискурса (в его генетической связи с процитированными фрагментами не приходится сомневаться) как гиперречевого акта, который является соотнесенным с действительностью речением, характеризующимся целенаправленностью и обеспечением искомых последствий в сознании или поведении адресата, когда создается новая ситуация (классический пример – объявление войны; в данном случае – совокупная ЯЛ этносоциума, русская/русскоязычная ЯЛ объявила войну самой себе – гражданскую войну).

Условие успешности речевого акта – искренность. Вопреки антиэтосу нарождающегося политического априори в целом, личный этос первых подвижников нового учения, жертвующих свои жизни во имя идеи, не вызывает сомнения. А.И. Желябов: «Моя личная задача, **цель моей жизни** – было служить общему **благу**. Долгое время я работал для этой цели путем

мирным и только затем был вынужден перейти к **насилию**» [История терроризма 1996: 39].

Однако объективно антиэтносный характер концептуально-культурологической связки налицо: **насилие / благо**. В характерном названии статьи П.Н. Ткачева, явившейся кульминацией безудержной пропаганды терроризма «Терроризм как единственное средство нравственного и общественного возрождения России» (1881 г.), дискурс-этимон формируется аналогичным способом: **терроризм / возрождение**. Вирус *идеологизированной семы*, проникающий в культурный концепт по закону *субъектно-предикатного семного сцепления* («в предложении всегда оказывается некоторый общий признак субъекта и предиката – семантический компонент (сема)» [Степанов, 1990: 439] на уровне *концептора*, соответствующего семе как единице ассоциативно-вербальной сети ЯЛ-концептоносителя, творца прецедентных текстов, вызывает «синдром приобретенного иммунодефицита» на уровне концептора уже как единицы тезауруса совокупной ЯЛ этносоциума – через механизм переведенного на диаметрально противоположные идеологические рельсы лингвориторико-герменевтического круга. Основы *идеологической диглоссии* русского макродискурса, проявившейся в полной мере в эпоху утвердившегося социализма, были заложены в рассматриваемый период. Концепты *польза, идеалы, идеи, справедливость* и т.п. становятся субъектами и предикатами в семантическом поле насилия, террора.

Феномен блокирования лингвориторико-герменевтического круга в масштабах национального макродискурса вследствие развития в его лоне антитезисного по отношению к утвердившейся эволюционным путем идеологии дискурс-универсума можно в миниатюре наблюдать в диалоге А. Желябова и первоприсутствующего суда [История терроризма 1996: 129–141], которые выступают в качестве представителей двух половин совокупной ЯЛ этносоциума, находящихся в дискурсивной конфронтации. Диалог эксплицирует синтагматические отношения двух дискурс-универсумов в пунктах разрыва лингвориторико-герменевтического круга и демонстрирует некоторые восполняющие коммуникационные механизмы. В частности, для обеспечения взаимопонимания необходимо сохранить либо субъект, либо предикат авторитетного для адресата ценностного суждения. Открещиваясь от анархизма, А. Желябов подчеркивает незыблемость таких актуальных для оппонента субъектов дискурс-этимонов, как **государство, правительство**, однако настаивает на их новых предикатах: **федеральное устройство, определенное учреждение**.

Лингвориторический стержень диалога – стремление оппонента «втиснуть» дискурс подсудимого в рамки официальной картины мира и невозможность осуществить это, поскольку заидеологизированная ЯЛ срослась со своими убеждениями и партией в одно целое.

Первоприсутствующий: *Я буду следить... чтобы не было сказано ничего такого, что нарушило бы уважение к закону, властям, религии.*

Тщетная попытка оградить господствующую ЛР картину мира от расшатывания концептуальных радиусов в альтернативном ментальном

пространстве (см. далее аналогичную по сути, но гораздо более жесткую по форме заботу Сталина о «чистоте линии партии») реализуется далее в репликах:

«Подсудимый, вы выходите из тех *рамок, которые я указал*», «Подсудимый, я решительно *лишу* вас слова, потому что вы не хотите *следовать моим указаниям*», «Я *должен ограничить* вашу защиту *пределами...*», «Я *должен* вас *остановить*» и т.п.

В конце концов, А. Желябов вынужден произнести фразу в требующемся правосудию «денотативном стиле» – в качестве «перевода» пространственных теоретических рассуждений, обосновывающих программу и действия партии, которые были-таки «прорекламированы» ранее. Синонимический этому сигнификативному контексту денотативный в рамках антитезисной альтернативной ЛР картины мира предельно краток: «В таком случае моя защита сводится к заявлению: *да*, так как фактически это подтверждено». Подобное явление можно условно квалифицировать как своего рода идеологическую асимметрию языкового знака на дискурсивном уровне.

С позиций *ЛР конфликтологии*, рассматривающей сбои в коммуникации носителей двух ментальных пространств, говорящих на одном естественном языке, знаменательны обмен репликами:

Первоприсутствующий: *Объяснение ваших убеждений, вашего личного отношения* к этим фактам я допускаю. Но объяснения и убеждения *взглядов партии* не допущу. – Желябов: Я этой рамки *не понимаю*. – И заключительные слова Желябова: ... Прокурор и мы, подсудимые, *взаимно своих нравственных побуждений не понимаем*».

Как видим, в данной речевой ситуации невозможен не только «гармонизирующий диалог» (А.К. Михальская), но и диалог как таковой. Это грозное предзнаменование грядущих социальных катаклизмов, во многом обусловленных отсутствием коммуникативного консонанса в масштабах совокупной ЯЛ этносоциума. Новое элокутивное наполнение ценностных суждений – дискурс-этимонов, квантов истинной в координатах локального дискурс-универсума информации, определило горизонты нового ментального пространства, переструктурировало концептосферу прежней ЛР картины мира.

В период Октябрьского переворота и гражданской войны происходит раскол национального русского макродискурса на советский, исподволь вызревший в его лоне, и альтернативный антисоветский, аккумулятивировавший нигилистически отвергнутые духовные ценности. Специфику кризисной ЛР ситуации в полной мере демонстрирует сокрушительная критика инновационного большевистского дискурса-деривата в ментальном пространстве традиционной ветви русского философского дискурса (С. Аскольдов, Н. Бердяев, С. Булгаков и др.) – национально-исторически обусловленного комплекса мыслительно-речевой культуры, сложившегося естественно-эволюционным путем. Проанализированный нами сборник статей о русской революции «Из глубины» (1918 г.), стал фактически последним выражением органического видения истории, не разорванного идеологическими позициями. По замыслу его составителя П.Б. Струве,

участники «Вех» и другие представители российской интеллигенции должны были дать в этом сборнике принципиальное обоснование своего отрицания большевизма. Произведения русских мыслителей, сконцентрировавших огромный культурно-мировоззренческий, ценностно-этический заряд осмысления трагической судьбы России, в частности, фрагменты, содержащие концепт, репрезентируемый словом «большевик», позволяют представить нюансы его сигнификативного и коннотативного наполнения в русской религиозно-метафизической философии. Прежде всего, это уничтожающая критика идеологии большевизма как враждебной, абсолютно неприемлемой. Приведем два примера:

С.А. Аскольдов, статья «Религиозный смысл русской революции»: Вообще не в разбушевавшихся звериных инстинктах главного зла так называемого «*большевистского*» переворота и овладения Россией, а в той *лжи* и в том *обмане*, в том *потоке фальшивых лозунгов и фраз*, которыми *наводнили сознание народа* [Из глубины 1990: 49].

Н. Бердяев, статья «Духи русской революции»: Вся наша революционная аграрная реформа, эсеровская и *большевистская*, есть чичиковское предприятие. Она оперирует с *мертвыми душами*, она возводит богатство народное на *призрачном, нереальном базисе* [Там же: 62].

«Речевой акт – целенаправленное речевое действие, совершаемое в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, принятыми в данном обществе; единица нормативного социоречевого поведения» [Арутюнова 1990: 412]. Рассуждая с этих позиций, можно констатировать, что большевики совершили «анти»гиперречевой акт, выламывающийся из принятой в обществе схемы вербализации. Однако парадоксальным образом вскрывается органическая связь большевистской идеологии с поисками отечественной интеллигенции (чем подтверждается объективный характер субъектно-предикатного сцепления дискурс-универсумов одной парадигмы на базе интегрирующих сем дискурс-этимонов).

В. Муравьев, статья «Рев пламени»: И в том, что революция приняла такой вид, *виновны* не одни *большевики*, но *вся интеллигенция*, их подготовившая и вдохновившая [Из глубины 1990: 196].

А.С. Изгоев, статья «Социализм, культура и большевизм»: Напрасно *интеллигенция* пытается спасти себя отводом, будто она не отвечает за *большевиков*. ... *Большевики* лишь последовательно осуществили все то, что говорили и к чему толкали *другие*. Добросовестность велит признать, что под каждым своим декретом *большевики* могут привести выдержки из писаний не только Маркса и Ленина, но и *всех русских социалистов и сочувственников* как марксистского, так и народнического толка. Единственное возражение, которое с этой стороны делалось *большевикам*, по существу сводилось к уговорам действовать не так стремительно, не так быстро, не захватывать всего сразу. ... Для будущего России важно, чтобы *социалистической и радикальной интеллигенции* не дано было возможности переложить на одних *большевиков идейную ответственность* за крах всей системы идей [Из глубины 1990: 151–152].

Большевистский дискурс осмысляется как «плоть от плоти» социально-политических исканий отечественной интеллигенции. Исследование ЛР закономерностей этой дискурс-деривации сквозь призму диаметрально противоположных установок русского философского дискурса начала XX века явилось предметом отдельного изучения представителями Сочинской школы (И.В. Анистратенко). Сам факт подобного противоречия свидетельствует о глубинно кризисном характере развития русского национального макродискурса как гиперавтокоммуникации совокупной ЯЛ этносоциума.

Заключение и выводы.

Теория коммуникации призвана «наводить мосты между разными социальными группами, служить выработке консенсуса. Общество невозможно без согласия. Значит, общество не обойдется и без теории коммуникации» [Почепцов 2001: 648]. Сущностные силы последней составляют ЛР закономерности и условия эффективного гармонизирующего диалога. Необходимы «совершенно новые подходы к анализу коммуникации, которые резко увеличат объективность этих исследований» [Там же: 649]. Думается, что теории коммуникации как социолингвистической дисциплине (дискурс при этом понимается как явление социальное, а текст – лингвистическое) необходимо задействовать аппарат неориторики, что возможно в рамках интегративной ЛР парадигмы. В социокультурно-прикладном аспекте особенно значима концепция непрерывного ЛР образования, обеспечивающего подготовку качественно нового поколения ЯЛ, адекватного потребностям развивающейся России XXI века.

Литература:

Арутюнова Н.Д. Речевой акт // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. М., 1990. С. 412–413.

История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях: Учебное пособие для студентов вузов. Автор-сост. О.В. Будницкий. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. 576 с.

Из глубины: Сборник статей о русской революции. / С.А. Аскольдов, Н.А. Бердяев, С.А. Булгаков и др. М.: Изд-во МГУ, 1990. 298 с.

Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. М.: Ваклер; К.: Рефл-бук, 2001. 656 с.

Степанов Ю.С. Семантика // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. М., 1990. С. 438–440.

Reference:

Arutjunova N.D. Rechevoj akt // Lingvisticheski jenciklopedicheski slovar' / Pod red. V.N. Jarcevoj. M., 1990. S. 412–413.

Istorija terrorizma v Rossii v dokumentah, biografijah, issledovanijah: Uchebnoe posobie dlja studentov vuzov. Avtor-sost. O.V. Budnickij. Rostov-na-Donu: Feniks, 1996. 576 s.

Iz glubiny: Sbornik statej o russkoj revoljucii. / S.A. Askol'dov, N.A. Berdjaev, S.A. Bulgakov i dr. M.: Izd-vo MGU, 1990. 298 s.

Pochepcov G.G. Teorija kommunikacii. M.: Vakler; K.: Refl-buk, 2001. 656 s.

Stepanov Ju.S. Semantika // Lingvisticheski jenciklopedicheski slovar' / Pod red. V.N. Jarcevoj. M., 1990. S. 438–440.